

УДК 821.112.2-31Манн

Гельт М.Е.

Московский городской педагогический университет

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА ГЕРОЯ-НАСТАВНИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Т. МАННА И Г. ГЕССЕ

M. Gelt

Moscow City Pedagogical University

TYPOLOGICAL FEATURES OF AN IMAGE OF MENTOR IN WORKS OF T. MANN AND H. HESSE

Аннотация. В статье рассмотрены основные типы сквозного для произведений Т. Манна и Г. Гессе образа героя-наставника (не только оказывающего непосредственное влияние на главного героя такого рода произведений, но и несущего самостоятельную значимость и для построения сюжета, и для окончательного оформления авторской позиции). Помимо самостоятельной значимости исследования этого образа для восприятия немецкой литературы XX века, очевидна его тесная соотнесённость с образом главного героя произведения как выразителя духовной атмосферы своего времени.

Ключевые слова: интеллектуальный роман, герой-наставник, компаративистика, бодхисатва, Г. Гессе, Т. Манн.

Abstract. The article describes the main types of typical for the works of Thomas Mann and Hermann Hesse image of the mentor (who not only has a direct impact on the main character of the novel, but also carries the independent importance for the construction of the plot, and finalizing the position of the author.) In addition to the self-importance of the study of the image for the perception of German literature of the 20th century, it is obvious that correlation with the image of the main character is very close, for him being a spokesman for the spiritual atmosphere of the time.

Key words: intellectual novel, the mentor's character, comparative, bodhisattva, H. Hesse, T. Mann.

Жанр интеллектуального романа, возникшего на немецкой почве в XX веке, обладает рядом типичных особенностей, одной из которых является укрупнённое, генерализованное изображение человека. В центре внимания авторов – представителей этого жанра – герой, чей духовный, нравственный путь – путь становления личности – становится главной сюжетно- и формообразующей нитью произведения.

Сам термин «интеллектуальный роман» был предложен Томасом Манном в 1924 году и объединил впоследствии мощный пласт произведений мировой литературы XX века. Он включает в себя не только закономерности построения, организации пространства и даже восприятия читателем произведений такого рода, но и особенности взаимоотношений героя с внешним миром. Оговоримся, что этот термин, став атрибутом литературоведческого анализа, со временем расширил свои формальные границы по сравнению с исходным, поэтому его следует относить не только к крупным прозаическим формам, но и к другим произведениям, отвечающим содержательным особенностям жанра.

Черода потрясений, перенесённых обществом в XX веке, не могла не отразиться и не видоизменить сознание, а также духовные и интеллектуальные потребности человека. Литература, как зеркало, в котором становятся особенно заметны настроения эпохи, в свою очередь,

не могла этих изменений не отразить. К чертам новой литературы относят и размывание её границ с философией и наукой, что отражает потребность человека наблюдать более широкий спектр взглядов на действительность, и смысловую многопластовость произведения, и становящееся закономерным присутствие в произведении нескольких миров, разъединенных не только в переносном, духовном смысле, но и в прямом. В полной мере сложившееся мироощущение отразилось и в образе героя. Давать обобщённую характеристику такому герою и легко (так как его воплощения в произведениях разных авторов имеют несомненное и очевидное сходство на уровне особых потребностей и мировосприятия), и сложно, потому что не только каждый писатель, но и каждое произведение этого жанра образует мир с особой логикой, корни которой могут находиться в самых разнообразных философских или религиозных системах. В рамках данной статьи мы сосредоточимся на произведениях двух крупнейших писателей XX века – Томаса Манна и Германа Гессе – писателей, чьи художественные миры имеют массу кажущихся и реальных различий, однако соединены общностью духовного и рационального восприятия назначения человека.

Если попытаться дать предельно обобщённую и краткую характеристику герою интеллектуального романа как явлению, то эта характеристика будет основываться на следующих особенностях: во-первых, герой интеллектуального романа на духовном и интеллектуальном уровнях всегда воплощает самые значимые черты своего времени, эпохи. Именно так реализуется, в числе прочего, стремление авторов таких произведений к универсальности описываемого. Во-вторых, нетрудно заметить, что герой интеллектуального романа чаще всего с детства отмечен некоей печатью избранности, которая осознаётся им самим с разной долей серьёзности: вспомним Иосифа, а также игры маленьких Касторпа или Круля, с помощью которых они словно отделяли и ставили себя

выше остального мира, или героя повести «Демьян», в связи с образом которого слово «печать» обыгрывается не только в переносном, но и в прямом, библейском смысле (Каинова печать). Эта печать избранности обуславливает третью особенность, которая заключается в постоянном внутреннем противоборстве. Герой постоянно ощущает некую раздвоенность, неукоренённость, отсутствие гармонии, поиски которой и составляют художественную и философскую основу произведения.

Большой ошибкой было бы заключить, что все остальные действующие лица интеллектуальных романов представляют собой безликие тени, необходимые лишь формально – для построения сюжета: «... каждый из героев представляет собой нечто большее, нежели то, чем он кажется на первый взгляд: все они – гонцы и посланцы, представляющие духовные сферы, принципы и миры. Надеюсь, что от этого они не превратились в ходячие аллегории. Это тревожило бы меня, если бы я не знал, что эти героя – Иоахим, Клавдия Шоша, Пеперкорн, Сеттембрини и все прочие – живут в воображении читателя как реальные лица, о которых он вспоминает, как о своих добрых знакомых.» (Пер. с нем. Ю. Афонькина) [4, с.166]. Каждый из этих образов уникален, все они в совокупности представляют своеобразную модель мира, однако наиболее укрупненно Т. Манн и Г. Гессе рассматривают одного героя – героя, находящегося на сложнейшем пути – пути к самому себе.

Вполне закономерным представляется, что рядом с таким героем периодически появляются персонажи, которые в большей или меньшей степени оказывают влияние на его личность. Не случайно тема обучения или учительства так часто возникает в интеллектуальном романе: вспомним учителей Кнехта или Леверкюна. Однако не только учителя в прямом смысле этого слова влияют на становление героя. Одной из особенностей организации системы персонажей этого жанра является наличие некоего героя-наставника

(или героя, который хочет быть наставником), сопровождающего и направляющего своего подопечного на определённом этапе его становления.

Н.С. Павлова отмечает, что большинство немецких интеллектуальных романов продолжили «... сложившийся на немецкой почве в XVIII в. жанр романа воспитания. Но воспитание понималось согласно традиции («Фауст» Гёте, «Генрих фон Офтердинген» Новалиса) не только как нравственное совершенствование. Герои не заняты обузданием своих страстей и буйных порывов, не задают себе уроков, не принимают программ, как это делал, например, герой «Детства», «Отрочества» и «Юности» у Толстого. Их облик вообще существенно не меняется, характер стабилен. Постепенно они освобождаются только от случайного и лишнего» [2, с.208]. Иными словами, миссия наставника заключается не столько в том, чтобы развивать в общепринятом смысле этого слова, и в ещё меньшей степени в том, чтобы выбрать путь для духовного совершенствования героя, сколько сопровождать своего воспитанника на определённом этапе того пути, который он сам избрал, и охранять этот путь в первую очередь от него самого.

Тема наставничества имеет прямое соотношение с темой двойничества, чаще выделяемой исследователями в связи с творчеством Г. Гессе, однако имеющей отношение и к произведениям Т. Манна. Обычно говорится об «... обязательно присутствующем «антиподе, воплощении внутреннего голоса» (В. Седелник), «теме двойника» (А. Березина), «гессевском принципе биполярности человека» (А. Гутманис), преодолении «двойственности, обретении единства» (А. Гулыга), «раздвоенности героя, реализующейся в образе двух персонажей» (Р. Каларашвили)». Несмотря на то что зачастую герой-наставник может ещё и являться «двойником» и, наоборот, ставить знак тождества между этими образами было бы неверно. Тождество это невозможно, в первую очередь, потому, что «двойник» по отношению к главному герою

произведений Манна и Гессе всегда будет наставником, но наставник далеко не всегда будет являться «двойником» [3, с.8].

Несмотря на то что вопрос об обучении и учителях (в широком смысле слова) поднимался исследователями, мы, систематизировав и прибегнув к компаративному анализу наиболее ярких воплощений образа героя-наставника в произведениях Г. Гессе и Т. Манна, предлагаем ряд собственных моделей, на примере которых отчётливее можно увидеть не только особенности характеров героев такого типа, но и те способы воздействия на своего подопечного, которые они выбирают. Итак, как наиболее значимые и характерные мы предлагаем следующие модели:

1. Активный наставник или наставник-идеолог.
2. Пассивный наставник.
3. Наставник-бодхисатва.

Прежде чем обратиться к предлагаемым моделям подробнее, необходимо отметить, что в произведениях Манна и Гессе образ наставника всегда соотносён с образом главного героя и поэтому не обладает такой же самостоятельностью. Однако его вмешательство всегда значимо (даже если не в той мере и не в том качестве, в котором предполагает сам наставник). Вообще, слово «вмешательство» является не совсем адекватным для обозначения связи между наставником и его подопечным в произведениях этих писателей, т. к. сознание и духовная сформированность героев находятся чаще всего уже на том этапе, когда возможность случайных и ненужных вмешательств исключена. Обратимся, однако, к тем типам героя-наставника, которые были заявлены.

Воплощениями образов активных наставников или героев-идеологов являются, в первую очередь, те персонажи, для которых «воспитание» своего подопечного составляет определённую личную цель. В силу особого, очень подвижного в чувственном и духовном плане состояния героя, его способность впитывать разнообразные идеи чрезвычайно велика. Это и привлекает активного

наставника. Ни в коей мере не желая своему воспитаннику зла, герои вроде Лодовико Сеттембрини из романа Т. Манна «Волшебная гора» обрушивают на него тот груз ценностей и размышлений, который стал частью их самих, не особенно задаваясь вопросом о том, отвечает ли он изначальным потребностям подопечного. Тип наставника-идеолога ярко контрастирует с типом наставника-бодхисатвы, о котором мы будем говорить ниже, именно вследствие довлеющей силы «Я», «Эго» наставника над сознанием героя, нуждающегося в иных отношениях. Отметим, что Сеттембрини гораздо больше интересуется тот Касторп, который только что прибыл в санаторий, чем тот, который уже подвергся влиянию «горы». Тот Касторп, который соответствует его представлениям о европейском духе, не подчиняющийся и не вступающий в тесные отношения с природным началом – «мистичным и злым» (Пер. с нем. С. Апта) [5, с. 295], отвергающий тело (вспомним, начало пребывания героя в Берггофе), относящийся ко времени и пространству сугубо рационально. Именно начало «разрывания пуповины», которая связывает Касторпа с традициями европейского гуманизма, на которых он воспитывался, и приближение к стихии хаоса, природы, Азии чрезвычайно беспокоит Сеттембрини. Именно поэтому он советует Гансу уехать. Такое наставничество оказывает на героя некое влияние, однако не столь мощное, сколь хотелось бы тому, кто возвёл себя в ранг духовного учителя. Так, знакомство с Сеттембрини для Ганса Касторпа становится лишь одним из жизненных факторов, участвующих в его формировании. Участвующих не самостоятельно, а наряду с другими.

Второй тип наставника, условно обозначенный нами как «пассивный», является наставником только в сознании главного героя. Сам он вполне может не подозревать не только о возложенной на него миссии, но даже о существовании того человека, на которого он невольно воздействует. Этот живущий своей жизнью человек как бы случайно вливается в

жизнь главного героя, чтобы стать её духовным этапом именно тогда, когда для этого приходит время. Ярко иллюстрирует такой тип образ Тадзио из новеллы «Смерть в Венеции» Томаса Манна, который одним своим существованием оформляет в сознании Ашенбаха все те черты подлинной жизни, отсутствие которых в нём самом и его творчестве становится трагическим и гибельным для героя.

До последней страницы «Индийского жизнеописания» Г. Гессе примером подобного вида наставничества является аскет, которому пытается подражать Даса, главный герой повести. Этот живущий в лесу отшельник, предающийся саморефлексии, медитации, просто не замечает героя, примером для которого он служит. Однако с окончанием повести истинное обучение героя не заканчивается, а лишь начинается (выше мы упоминали о такой характерной черте построения произведения) с преобразования роли наставника, который предстаёт теперь как бодхисатва.

Этот буддистский религиозно-философский термин употреблён нами не случайно. Такой тип наставничества мы встречаем в основном в произведениях Г. Гессе, большинство из которых имеют внешнюю или глубинную соотнесённость с этой религией. Сам Гессе не всегда определяет наставников таким образом, чаще он использует ёмкое определение Учитель. Однако следуя пути, предложенному писателем, для более ясной характеристики данного типа героя этот термин представляется правомерным даже вне индийской тематики. В религиозном понимании бодхисатва – это просветлённый человек, который жертвует нирваной для того, чтобы указать путь к ней своим ученикам. В отличие от особенностей первого описанного нами типа наставничества, наставник-бодхисатва не принуждает воспитанника следовать намеченному им плану, а сам словно растворяется в своём подопечном, чтобы вместе с ним ещё раз пройти уже пройденный однажды путь. Бодхисатва просветлён,

он лишён в своих устремлениях всякого проявления «эго» (опять же, в отличие от наставника-идеолога), поэтому он прекращает свою миссию ровно в тот момент, когда для воспитанника завершается этап, требующий их взаимодействия. Ярче всего эту закономерность можно проследить на примере отношений Нарцисса и Гольдмунда в одноимённой притче, Васудевы и Сиддхартхи в повести «Сиддхартха», Демиана и Эмиля Синклера в романе «Демиан».

Позволим себе несколько уточнить позицию, высказанную Н.С. Павловой относительно отказа от образа наставника в произведении «Доктор Фаустус» Т. Манна. Исследователь связывает данную идею с изменением мировоззренческих установок, направленности произведения: «Если «Волшебную гору», а тем более «Иосифа и его братьев» ещё есть основания считать воспитательными романами, так как их герои ещё видят перед собой возможность познания или плодотворной практической деятельности, то в «Докторе Фаустусе» воспитывать некого. Это действительно «роман конца», как называл его сам автор, роман, в котором различные темы доведены до своего предела: гибель Леверкюна, гибель Германии. Образ обрыва, взрыва, предела объединяет в единое созвучие разные мотивы произведения: опасный предел, к которому пришло искусство; последняя черта, к которой подошло человечество» [2, с. 221]. Образ наставника, тем не менее, фигурирует в произведении в лице музыканта Кречмара. Всё дело в том, что сам герой не готов к его восприятию именно в силу описанной выше внутренней стагнации.

Едва ли таким же образом можно объяснить отсутствие «воспитательной» линии в некоторых произведениях Г. Гессе. В повести «Кнульп» изображён одинокий бродяга, для которого тот скитальческий образ жизни, который он себе избрал, является желанным и единственно возможным, хотя подчас тяготит. Разговор с Богом в конце повести подводит своеобразный итог жизни

героя: «Господь бог, однако, всё время улыбался, слушая Кнульпа, и по временам его лицо пропадало в метели: «Нет, Кнульп, — говорит он назидательно, — вспомни свои юношеские скитания, вспомни лето в Оденвальде и лехштеттенские деньки. Разве же ты не отплясывал там, как молодой олень, не чувствовал, как благодатная жизнь играет во всех твоих помыслах?(...) Ты всё ещё не догадался, дитя неразумное, в чём был смысл всего? Ты всё ещё не догадался, мой милый, зачем тебе суждено было пройти по жизни легкомысленным бездельником и бродягой. Да затем, чтобы внести в мир хоть малую толлику детского сумасбродства и детского смеха. Затем, чтобы люди тебя повсюду чуточку любили, чуточку поддразнивали и чуточку были тебе благодарны.(...) Слушай, — говорил ему господь, — ты мне был нужен такой, какой ты есть. Во имя моё ты странствовал и пробуждал в оседлых людях смутную тоску по свободе. Во имя моё ты делал глупости и бывал осмеян; это я сам был осмеян в тебе и в тебе любим. Ты дитя моё, брат мой, ты частица меня самого, всё, что ты испытал и выстрадал, я испытал вместе с тобой» (Пер. с нем. Е. Маркович) [1, с. 86]. В плане внутренней эволюции образ главного героя повести «Кнульп» практически неподвижен, однако именно эта неподвижность, по Гессе, гораздо больше отвечает духовной сути, предназначению героя, чем самый напряжённый и деятельный поиск. В отличие от Т. Манна, который через отказ от развития иллюстрирует духовный крах человека и эпохи, Г. Гессе рисует человека, для сохранения духовного мира которого органично стремление не к развитию (самостоятельному или с помощью кого-то), а к сохранению себя изначального.

Остановившись более подробно на этих (и подобных им) образах значило бы затронуть темы хоть и смежные с темой настоящей статьи, но значительно более широкие и самостоятельные: типологические особенности героя и особенности организации интеллектуального романа. Нашей же задачей было описать основные направления

мысли, возникающие при анализе сквозного для произведений Т. Манна и Г. Гессе образа героя-наставника. Предлагаемая градация является предельно обобщённой и будет расширена и дополнена в исследованиях более фундаментального характера.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гессе Г. Кнульп /Пер. с нем. Е. Маркович. – СПб.: Северо-запад, 1994. – 414 с.
2. Зарубежная литература XX века под ред. Л.Г. Андреева [электронный ресурс] URL: <http://www.infoliolib.info/philol/andreev/9.html> (дата обращения 30.01.2013).
3. Малащенко В.В. Проза Германа Гессе 1910-х годов; трансформация поэтики. – Калининград: изд. РГУ им Канта, 2010. – 92 с.
4. Манн Т. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 9. Введение к «Волшебной горе». / Пер. с нем. Ю. Афонькина. – М., 1960. – 686 с.
5. Манн Т. Волшебная гора, Т.2 /Пер. с нем. С. Апта. – М.: Крусь, 1994. – 409 с.